
В. Ю. ЧЕРНЫХ, Л. Н. ЧЕРНЫХ

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К «ФЕВРАЛЬСКОМУ ПЕРЕВОРОТУ», ИЛИ ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ?

В статье рассматриваются исторические, этимологические и семантические аспекты понятия «революция». Авторы приходят к выводу, что революция является вариантом форсированной модернизации. Показаны перспективы изучения революции в марксизме, теории модернизации, элитологии и в рамках историко-ситуационного анализа.

***Ключевые слова:** революция, Октябрьская революция, марксизм, теория модернизации, форсированная модернизация.*

В последние 20 лет в отечественной публицистике, а затем в учебной и научной литературе, посвященной событиям 1917 г., вместо привычного понятия «**Великая Октябрьская социалистическая революция**» часто стал употребляться термин «**Октябрьский переворот**». При этом «Февральская революция» подобной метаморфозы не пережила. Вполне очевидно, что причина такой коллизии – скорее идеологическая, а не научная. В большинстве случаев переименованию Октябрьская революция подверглась в работах авторов, отрицавших закономерность социалистической революции в России 1917 г. или марксистскую идею пролетарской революции. Эти взгляды не новы. Еще в 1917 г. меньшевики оценивали октябрьские события как военный заговор или переворот, так как полагали, что в России пока не созрели предпосылки для перехода к социализму. Кроме того, в марксистской традиции считалось, что такой переход возможен только в форме мировой революции. А начаться она должна в развитых капиталистических странах.

И в начале XX в., и теперь были и есть прямые противники социализма, коммунизма и марксизма. Их логика тоже понятна. Если

общество социальной справедливости (социализм или коммунизм) невозможно построить в принципе, тогда марксизм является утопией. Значит, и революционный переход к такому обществу немислим по определению. Отсюда следует: то, что произошло в октябре, – государственный переворот, а то, что последовало за этим, – бессмысленное насилие над историей или «историческая ошибка», обусловленная «коварством» большевиков, слабостью демократических институтов и политической наивностью масс. В итоге СССР пошел по тупиковой ветви развития. Заметим, правда, что эта ошибка затянулась на 70 лет и сопровождалась такими «тупиковыми» (или утопическими?) моментами, как ликвидация неграмотности, создание достаточно продуктивной экономики¹, самой передовой системы образования и рождение здравоохранения².

В рамках весьма популярной во второй половине XX в. **концепции модернизации** однозначного отношения к возможности «социалистического пути модернизации» нет. Но большинство сторонников данной концепции такую возможность отрицают. Приведем достаточно характерный сюжет из современного школьного учебного пособия: «В официальную советскую историографию октябрьские события 1917 г. вошли как Великая Октябрьская социалистическая революция, разрешившая противоречия развития России и открывшая дорогу к коммунизму – новому обществу, свободному от угнетения человека человеком. Однако на деле развитие противоречий модернизации России только перешло в новую

---

¹ В 1930-х гг. в СССР была создана уникальная модель индустриальной экономики. Ее уникальность заключается в самодостаточности и независимости от внешних рынков.

² Переход от лечебной медицины к здравоохранению (профилактической медицине) имел не только прикладное, но и фундаментальное значение и знаменовал собой настоящую революцию, пожалуй, наиболее крупную в истории медицины. Благодаря ей средняя продолжительность жизни в СССР и в мире увеличилась в два раза. Известный американский ученый, историк медицины М. Террис назвал ее первой эпидемиологической революцией. Другой известный американский историк медицины Г. Сигерист в 1937 г. в книге, посвященной здравоохранению в СССР, писал: «То, что происходит в Советском Союзе сегодня – начало нового периода истории в медицине. Все, что было достигнуто до сих пор за 5000 лет в истории медицины, является только первой эпохой – периодом лечебной медицины. Теперь новая эра, период профилактической медицины, началась в Советском Союзе». См. подробнее: История медицины: уч. пособ. – 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Н. Я. Азановой, Н. А. Невоструева, В. Ю. Черных. – Пермь: Пермская гос. мед. академия; Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2008. – С. 69–75.

фазу, окончательно приобрело характер глубокого цивилизационного кризиса»³. Некоторые авторы, не желая прибегать к идеологическим оценкам и вдаваться в теоретические споры, заменили термин «революция» на нейтральное «Октябрьское вооруженное восстание»⁴.

А как определяли характер Октября сами **большевики**? Как ни странно, часто (вплоть до 1930-х гг.) они именовали его Октябрьским переворотом. Но употреблялся указанный термин как синоним революции. Об этом недвусмысленно свидетельствует выступление В. И. Ленина на дневном торжественном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г.: «Товарищи, рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»⁵ Приведенная цитата дает повод для некоторых вопросов. Восстание еще не закончилось, но фактически власть в столице перешла из рук Временного правительства к Военно-революционному комитету Петроградского Совета. Этот переход оценивается как свершившаяся революция, правда, не социалистическая, а «рабочая и крестьянская»⁶. Построение социализма провозглашается в качестве перспективы, причем явно неблизкой. Можно ли смену власти в течение нескольких дней называть революцией? Применительно к Февральской революции это так и делается, но насколько это верно? Как определять хронологические и качественные рамки революции?

³ Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – начало XX в.: уч. кн. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. – М.: Просвещение, 1995. – С. 313.

⁴ Абитуриенту-93: Краткое пособие по истории России / отв. ред. А. П. Корелин. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 125; Жужгова Н. В. Словарь-справочник по истории: пособ. для школьников и абитуриентов. – Пермь: Звезда, 2004. – С. 139; и др.

⁵ Цит. по: Кочетов А., Тимофеев А. От Февраля до Октября 1917 // Слово. – 1990. – № 11. – С. 45.

⁶ Это в целом согласуется с теоретическими воззрениями большевиков: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса, – подчеркивал В. И. Ленин, – есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – Т. 31. – С. 133.

Прежде чем отвечать на эти вопросы, необходимо разобраться в соотношении понятий «переворот» и «революция». В широком смысле слова (резкое, качественное изменение) они синонимичны. Например, «промышленный переворот» и «промышленная революция». В узком, политическом смысле семантика слова **«переворот»** достаточно очевидна: это смена государственной власти, как правило, сопровождающаяся ограниченным применением силы или угрозой такого применения. С революцией дело обстоит сложнее.

На первый взгляд, **теория революции** наилучшим образом должна быть разработана в рамках **марксизма**, так как для него революция – одна из базовых категорий. В марксистской литературе весьма подробно и в большинстве случаев достаточно объективно проанализирован опыт многих буржуазных и социалистических революций.

Марксистский подход позволяет определить причины, характер, движущие силы, особенности и последствия любой революции. Так, основной причиной всякой революции считается конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Однако обращение к другим параметрам революции порождает больше вопросов, чем однозначных ответов. Возьмем «характер» революции. Мы знаем социалистические и буржуазные революции, но не можем далее продолжить этот смысловой ряд, так как при всем желании не обнаружим политических революций, сопровождавших крушение рабовладения, азиатского способа производства (АСП) и тем более первобытного строя. Вспомним безуспешные попытки советских историков обнаружить следы «революции рабов». Теперь о «движущих силах». В буржуазной революции это буржуазия и пролетариат, то есть классы, соответствующие капиталистической формации, зародившейся в недрах феодализма. По аналогии, например, в гипотетической «феодальной революции» движущими силами должны выступать феодалы и крестьяне. Рабовладельческий Рим уничтожили варвары (отдаленные потомки которых действительно стали феодалами и крепостными крестьянами). Однако революционерами их пока никто не называл.

Думается, сказанного достаточно, чтобы поставить под сомнение привычное для марксистов толкование революций как «локомотивов истории»⁷ и **механизма смены формаций**. Как нам представляется, К. Маркс допустил несколько некорректную экстраполяцию опыта буржуазных революций на всемирную историю. Материал, доступный историкам в середине XIX в., не предполагал таких заключений⁸, как, например: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», которая всегда заканчивалась «революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁹. Мало того, даже переход к капитализму в ряде случаев (в Скандинавских странах, Японии) происходил в форме радикальных реформ (иногда именуемых «революцией сверху»), а не политической революции в собственном смысле слова.

Стремясь преодолеть противоречие между теоретическим посылом и историческими фактами, последователи К. Маркса расширяют (или сегментируют) процесс революции во времени и пространстве. Например, в философском энциклопедическом словаре 1989 г. читаем: «На ранних стадиях истории общества (переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, от рабовладельческого к феодальному) Р. происходила преимущественно стихийно и складывалась из совокупности спорадических, в большинстве случаев локальных массовых движений и восстаний. При переходе от феодализма к капитализму Р. приобретает черты общенац. процесса, в к-ром все большую роль играет сознат. деятельность политич. партий и организаций»¹⁰. Можно еще больше расширить объем понятия: революция – это скачкообразное качественное (в противоположность эволюции) изменение общественных отношений. Но при этом мы уйдем в сторону от определения понятия «политическая революция».

Для марксистов и исследователей, близких по духу к марксизму, политическая революция не имеет самостоятельного значения,

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. – 2-е изд. – Т. 7. – С. 86.

⁸ Зафиксированных в «Манифесте Коммунистической партии» в 1847 г. и почти не скорректированных позже.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. – Т. 4. – С. 424.

¹⁰ Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичева и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 550.

являясь частью революции социальной. Многие современные отечественные исследователи также связывают революцию с качественными социально-экономическими изменениями, прежде всего со сменой формы собственности¹¹. Однако эти моменты не должны, на наш взгляд, принижать самостоятельное значение термина «политическая революция», хотя бы для отграничения ее от революций в других сферах (культурная революция, научная революция и т. п.).

Определенную информацию к размышлению может дать обращение к семантике и **истории термина**. Впервые латинское слово «*revolutio*» (движение, обращение, круговращение) употребляется в позднеантичных христианских текстах для обозначения странствий души. Здесь присутствует момент качественного перехода от «бытия» к «инобытию». В средневековой астрологии им стали обозначать круговое движение небесной сферы вокруг Земли. Например, программное сочинение Н. Коперника 1543 г. называется «*De revolutionibus orbium caelestium*» («Об обращении небесных сфер»). В наиболее точном астрономическом смысле революция означает полный цикл прецессии (обращения небесной сферы вокруг своей оси), составляющий примерно 26 000 лет¹².

Как из религии и астрологии этот термин перекочевал в политику, сейчас понять трудно. В XIV в. в Италии так стали называть «дворцовые» перевороты и городские восстания¹³.

Итак, первоначальные смыслы термина: **перевоплощение, обращение, круговорот, переворот, бунт**. Теперь обратимся к первым буржуазным революциям. Голландские бюргеры и гёзы XVI в., судя по всему, себя революционерами не называли, как и участники Английской революции XVII в. Но в 1688–1689 гг. госу-

¹¹ См., например: Гобозов И. А. Революция социальная // *Философия: энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. – М., 2004. – С. 722–723; Назаров Ю. Н. Революция в политической жизни общества // *Философия и общество*. – 2006. – № 4. – С. 60–74.

¹² Прецессией, или предварением равноденствий, называют перемещение точки весеннего равноденствия по эклиптике («маршруту» движения Солнца) навстречу годичному движению Солнца. За 72 года точка весеннего равноденствия смещается по эклиптике на 1 градус. Полный цикл в 360 градусов она описывает примерно за 26 тыс. лет. См.: Климишин И. А. Календарь и хронология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1985. – С. 11–14, 29.

¹³ Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997. – С. 372.

дарственный переворот, приведший к свержению Якова II Стюарта и воцарению Вильгельма III Оранского был назван «Славной революцией». Хотя здесь слово «революция» связано с буржуазными преобразованиями, но на первом месте стоит момент реставрации, возврата к прошлым (справедливым) временам Кромвеля, а не рождения чего-то качественно нового. Приставка **ре-** подчеркивает это возвратное движение. И в дальнейшем в идеологии, символике многих революций присутствует ориентация на возрождение идеалов прошлого. Так, среди утопических идей Французской революции был возврат от монархии к республиканскому Риму. Русские революционеры нередко сравнивали себя с якобинцами.

В более или менее близком к современному пониманию термин «революция» (как смена общественного строя) начинает употребляться в эпоху Просвещения (конец XVII – XVIII в.). Причем французские просветители, рассуждая о будущих качественных преобразованиях в стране, нередко употребляли термин «революция» во множественном числе: «революции». Закрепление понятия «революция» в политическом и философском языке происходит в период Великой французской революции.

Вышеизложенные рассуждения приводят нас к следующим **выводам**.

1. На сегодняшний день в социальной теории нет научно выверенного и методологически продуктивного определения революции. На уровне теоретического и обыденного сознания политическая (социальная) революция может пониматься как **относительно быстрый (как правило, опирающийся на насилие или угрозу насилия) переход государственной власти к новым социальным группам (слоям, классам) при активном участии широких слоев населения, в результате которого происходят качественные, масштабные изменения во всех сферах общественной жизни**.

2. В отношении событий 1917 г. нет никаких оснований переименовывать Октябрьскую революцию в Октябрьский переворот, так как она вполне удовлетворяет вышеприведенным критериям. Мало того, если учесть, что Февральская революция не выполнила большинства задач, которые перед ней стояли, то скорее имеет основание сочетание терминов «Февральский переворот» и «Ок-

тябрьская революция», хотя понятно, что февральские события (по крайней мере, в потенциале) являются революцией.

И несколько слов о **перспективах теории революции**. В рамках формационной парадигмы можно выделить два типа революций – буржуазные и социалистические, или пролетарские. В ответе на письмо В. И. Засулич К. Маркс теоретически допустил вариант социалистической крестьянской революции¹⁴. Этот смысловой ряд (как в марксистской, так и в современной позитивистской традиции) иногда дополняют и другими типами или видами революций: буржуазно-демократическими, народно-демократическими, народными, антиимпериалистическими (национально-освободительными, антиколониальными)¹⁵. Все эти варианты связаны с переходом от традиционного общества к индустриальному или с основательной перестройкой последнего. Отсюда вывод: революция может рассматриваться как **форсированный переход к индустриальному обществу или его новой модели**, или, проще, как **вариант форсированной модернизации**. Соответственно, не принижая эвристического потенциала марксизма, отметим перспективность разработки теории революции в рамках **концепции модернизации**.

В революции главный момент – смена власти. Причем далеко не всегда существует корреляция между новой властью, провозглашенными ею целями, ее социально-классовым составом и интересами классов, от имени которых она выступает. Так, формально Октябрьская революция привела к установлению диктатуры пролетариата (в союзе с беднейшим крестьянством). Фактически послеоктябрьскую ситуацию в России корректнее характеризовать как диктатуру партии. А к 1930-м гг. она превратилась в диктатуру партийно-государственной верхушки. Мало того, в некоторых случаях политическая воля партии может оказаться сильнее объективных обстоятельств (или, по крайней мере, существенно их скорректировать). Так, в России 1917 г., несомненно, был конфликт между трудом и капиталом. Но степень готовности страны к пролетарской революции даже с марксистской точки зрения была невелика.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. – Т. 19. – С. 119–121, 251, 305, 410.

¹⁵ Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерч. ун-та, 1993. – С. 338.

И все же это не помешало большевикам прийти к власти. Отсюда второе перспективное направление исследований – **элитология**.

Также весьма продуктивным может оказаться конкретно-исторический, **ситуационный анализ** революций. Основы такого анализа в свое время были заложены пермским историком, профессором Л. Е. Кертманом. В качестве отправного пункта он взял революционную ситуацию, рассматривая ее как некую статистическую закономерность, одинаково проявляющуюся в любой революции¹⁶. В то же время в одной из дискуссий по проблеме исторических ситуаций (1973 г.) он достаточно интересно и непривычно для того времени определил специфику революционной ситуации осени 1917 г. в России. Не оспаривая положение о том, что революция – это разрешение противоречия между производительными силами и производственными отношениями, он отметил, что основное **конкретно-историческое противоречие**, породившее данную революционную ситуацию, следует сформулировать иначе. Это – противоречие между настойчивостью общедемократических требований масс и неспособностью буржуазной демократии удовлетворить эти требования в тогдашних условиях.

Как видим, конкретно-исторический анализ может вывести и на уровень философских обобщений. А они важны не менее, чем эмпирические исследования. Переход к постиндустриальному обществу (так же как и к индустриальному) связан с революцией. Правда, не политической, а научно-технической. Однако нет никакой гарантии, что она потребует меньше жертв, чем имевшие место в истории политические революции. Именно благодаря НТР современная цивилизация стоит перед альтернативой: смерть (быстрая – от ядерной войны или медленная – от экологического и нравственного кризиса) или качественное обновление общества. Поэтому работы в области теории революции представляются не только эвристически занимательными, но и практически актуальными.

---

¹⁶ См.: Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. – 1971. – № 1. – С. 55–68.